

Этот зверочеловек-самка действительно был при смерти: зрачки уже начали рассеиваться, наступил последний миг, но её взгляд был намертво прикован к Се Юньгую.

Се Юньгуй понял, что она хочет, и принял из её рук нечто, напоминающее комок плоти.

Уголки губ самки дрогнули в слабой улыбке, она медленно закрыла глаза, а комок в руках Се Юньгуя едва заметно шевельнулся. Глядя на неё, он впервые почувствовал нечто похожее на жалость.

Несколько звероловдей, окруживших беременную самку, очевидно, напугали её, из-за чего она преждевременно разрешилась от бремени. Се Юньгуй посмотрел на комок, лежавший под прямыми солнечными лучами, немного подумал, разорвал плодную оболочку и с удивлением обнаружил внутри крошечного волчонка.

Глядя на детёныша, который был полностью сформирован, но появился на свет слишком рано, Се Юньгуй невольно поразился его невероятной жизненной силе. Он быстро провёл первичную обработку: очистил тельце и, разжав крошечный ротик, удалил околоплодные воды. Завернув малыша в оставленные нападавшими звероловдями шкуры, он закрепил свёрток у себя на груди.

Что же до тех четверых, что напали на самку, — их смерть была лишь заслуженным возмездием. Се Юньгуй выкопал глубокую яму, чтобы похоронить мать волчонка, а тела убитых им звероловдей просто оставил в стороне — пусть ими полакомятся стервятники.

Обыскав место схватки, он нашёл несколько мешочков из шкур. В них оказалась соль — правда, самая грубая, неочищенная. Её было около полутора-двух килограммов, чего ему хватило бы на какое-то время. В здешних краях это была ценность, и нос воротить не стоило.

— Покойся с миром. Отныне этот малыш — мой, Се Юньгуя, — произнёс он и покинул это место.

Жизнь и смерть, охотник и добыча — таковы законы этого мира. Единственная истина здесь — стать сильнее.

Вернувшись в пещеру, Се Юньгуй положил волчонка на каменную кровать, а сам пошёл разводить огонь. Он вскипятил в каменном котелке воду и осторожно обмыл малыша. Детёныш был совсем крошечным, чёрным, размером с ладонь, похожим на щенка — сказывалась недоношенность. Он издавал лишь слабые попискивания, которые едва можно было слышать, если не прислушиваться.

Сможет ли он выходить такого кроху?

В прошлой жизни он был одиночкой, ни к кому не привязанным, и его холодное, ожесточённое

сердце никогда ни на что не отзывалось. Но сегодня он нарушил свой обет. В прошлой жизни подобная слабость стоила бы ему жизни, но теперь он не хотел возвращаться к прежнему существованию.

Тогда он был «избранным» сиротой, он не выбирал своего рождения, и его путь становился всё более мрачным. Теперь же он — А-Гуй, и это новая жизнь. Он мог прожить её спокойно и в тепле, а этот волчонок, возможно, был даром небес в качестве компенсации за прошлое.

Перемены начались с этого малыша. Тот, прежний Се Юньгуй, развеялся как дым, а нынешний стал отцом маленького волка — обычным зверочеловеком этого дикого мира.

Осознав это, Се Юньгуй почувствовал лёгкость. На губах заиграла улыбка, отчего его и без того примечательная внешность стала ещё ярче. Однако вскоре он задумался: чем кормить детёныша? Как за ним ухаживать?

— М-м, хнык-хнык! — посреди ночи волчонок начал ворочаться и тыкаться носом в грудь Се Юньгуя.

Тот проснулся и тяжело вздохнул: малышу, должно быть, холодно и голодно. Ох, что же делать? Ему никогда раньше не приходилось заботиться о живых существах.

Наконец наступило утро. Се Юньгуй поймал в реке рыбу, очистил мясо и сварил его в каменном котле до состояния кашицы. Остудив её, он принялся кормить волчонка маленькой деревянной ложечкой. Малыш, видимо, проголодался до смерти — умял целую миску, и его животик стал круглым и упругим.

Волчонок был таким милым: глаза ещё не открылись, но крошечные лапки такие нежные, а ротик — розовый. Для Се Юньгуя, который всегда питал слабость к пушистым существам, этот малыш моментально покориł его сердце.

В тот день на обед у Се Юньгуя был жареный кролик — наконец-то с добавлением щепотки соли! Вкус был просто божественным.

На следующий день он посадил волчонка в сумку из шкуры, привязал её на груди и отправился на охоту. Удача улыбнулась ему: он добыл дикого кабана, но тот оказался слишком большим, чтобы нести его целиком. Се Юньгуй взял лишь часть мяса и шкуру — он собирался сделать себе обувь. Оставшееся мясо он засолил и завялил, а из шкуры сшил себе одежду и короткие штаны, чтобы было удобнее бегать. Шкуру кабана он слегка опалил на огне, чтобы она стала эластичнее — для обуви это было то, что нужно. Для Се Юньгуя подобная работа была проще простого.

Прошёл месяц. Волчонок подрос и стал есть больше. Пещера всё больше походила на дом, и теперь, кроме нехватки соли, у него было всё необходимое.

— Ну что, маленький чёрный волк, не пора ли дать тебе имя? Глазки уже открыл, нельзя же вечно быть безымянным, — сказал Се Юньгуй, глядя на своего чёрного питомца.

Волчонок поднял голову и посмотрел на него, явно не понимая сути разговора.

— Ты чёрный, значит, назовём тебя Большой Чёрный? Нет, звучит как кличка деревенского пса. Может, Маленький Чёрный? Тоже не то, ещё больше на собаку похож. Ты теперь мой, значит, должен носить мою фамилию. Имя должно быть звучным, чтобы мне не было стыдно, — бормотал Се Юньгуй.

Взглянув на восходящее солнце, он вдруг воодушевился:

— Отныне ты будешь Се Чуян. Солнце встаёт, всё живое оживает. Ты — мой сын, Се Юньгуя! Уа-а... у-у...

Внезапно Се Юньгуя стошнило. Его выворачивало так сильно, что он сам себе стал противен.

— Ау-у...

Се Чуян, глядя на мучения своего отца, заволновался, но ничего не мог поделать — он был ещё слишком мал.

Придя в себя через некоторое время, Се Юньгуй вытер лицо.

— Неужели кабанина была недоварена? Или она была ядовитой? — он погладил себя по животу.

— М? — он замер. Что это? Откуда в животе твёрдый комок размером с кулак?

Се Юньгуй в недоумении уставился на свой живот. Там действительно было выпуклое, твёрдое образование.

— ...??? Что это? Неужели я заболел? — Се Юньгуй помрачнел.

Маленький волк ткнулся головой в его живот и вытаращил глаза: там что-то было! И оно было живым. Но Се Юньгуй, увы, не мог понять знаков, которые подавал ему питомец.

Весь остаток дня Се Юньгуй просидел в пещере, чувствуя себя совершенно разбитым.